

Александр Уланов ЗЕРКАЛА

№17 1996

Кто-то подходит к зеркалу - подкрасить губы или поправить галстук. Потом проходит мимо телевизора - и обнаруживает зеркало и там. Касается журнального столика - на нем лежит стопочка зеркал. Оборачивается к книжным полкам - где стоит современная литература - но и там зеркала, зеркала, зеркала. Чаще всего это скучно, иногда страшно.

Подавляющая часть современной литературы не расширяет мир читающего, не дает ему возможность нового взгляда, не создает новых смыслов. Она - всего-навсего зеркало. Воспроизводящее общий опыт, циркулирующий в некоторой массе людей, на которых рассчитывает, как на читателей. Это привычные тексты, рассказывающие о привычном - и потому входящие в сознание благодарного читателя как по маслу. Они в некотором смысле уже были там - и потому, собственно, не нужны, точнее, нужны для другого - для погружения в привычное, узнавания, подтверждения собственных представлений о мире. Это литература отдыха и поглаживания по голове. Иногда это совсем ясно - в случае текста эстрадной песенки, любовного романа или детектива - поскольку слишком уж незамысловатые мечтания и представления читателя здесь отражаются. Но ведь репродукция быта интеллигентских кухонь и издательств, философии московских коммуналок, ностальгии стиляг 60-х, жизни в городе К. на реке Е. - это тоже зеркало, чуть сложнее устроенное и рассчитанное на другую публику, но имеющее совершенно те же задачи. Это опыт, который каждый может получить, пройдя по улице и прочитав не слишком большую стопку газет. Причем речь здесь идет не только о так называемой реалистической литературе. Жизнь наполнена клише и несуразностями в такой степени, что Дмитрий Александрович Пригов выглядит скорее очень последовательным реалистом. С чем и соглашается близкий к нему М.Айзенберг: "Стихи Пригова фиксируют сегодняшнее состояние обыденного и официозно-ритуального языка." (Театр, 1991, №4, с.114) Что и подтверждается неизменным успехом эстрадных выступлений Пригова. Как девица находит подтверждение своим мечтам о любви в поп-песенке, так и слушатель Пригова находит достойную поддержку своей иронии (другие задачи концептуализма, связанные с проблемами создания и функционирования художественного произведения, проблемой авторства и т.д. воспринимаются ничтожно малой долей слушателей, о которой сейчас речь не идет). И то, что проходит под вывеской постмодернизма - Пелевин, Королев или Бородиня - это чаще всего смесь все из тех же компонентов постперестроечной России. Читатель вздыхает от трудности этих авторов (см. статьи в "Новом мире", "Знамени" и т.д.), упивается своей интеллектуальностью - не выходя из привычного ему способа видения и круга мыслей - оставаясь перед зеркалом.

Речь идет не о тех или иных авторах или журналах. Речь идет об общей тенденции. Данные заметки имеют цель, которую можно было бы назвать медицинской - продление жизни. Срок человеческого ограничен - и стоит ли тратить слишком много времени на смотрение в зеркало? Иногда это нужно, но место для зеркала все-таки в платяном шкафу, а не в книжном. Так ли уж хорошо, когда при чтении текста возникает пресловутое ощущение "все, как в жизни"? Когда переключек между текстом и повседневным опытом слишком много? Да, конечно, по текстам Жданова нелегко определить, когда и кем это было написано. И наше время потом будут изучать по подшивке скорее "Знамени", чем "Митинского журнала". Но тогда, может быть, эта бытовая литература проходит по ведомству социологии? А может быть, будущему лучше пригодится подшивка "Сегодня" или "Независимой газеты" - там ведь тоже работают умные люди?

Могут сказать, что такое обращение к быту - следствие времени, когда литература была средством выживания (М.Айзенберг). Но в куда более тяжелые времена Мандельштам, мечтая о тепле серной спички, мог ходить и среди рукопашной лазури. "То, к чему стремился Мандельштам - слиться с эпохой - Гандлевскому дано от рождения" (Вл.Кулаков, "Знамя", 1996, 2, с.203-204). Значит то, что у Мандельштама - возврат к кольцецам и усоногим, у Гандлевского - достоинство? А где же тогда флейты греческой мяты и йота? Только выживать? А когда же все-таки жить?

Могут сказать, что бытописание - стремление к честности на фоне лжи соцреализма и полужли шестидесятиничества. Но честность является необходимым, но не достаточным условием - как в литературе, так и в обыденной жизни. И отказ хоть чуть-чуть оторваться от обыденного опыта ведет к появлению фраз не сфальсифицированных, но безнадежно банальных. Это путь перестраховки - в то время как всякий прорыв требует риска и угрожает ошибкой. Бытовая жизнь честнее идеологизированной, но имеющей прямой контакт со словом человек мог бы попытаться увидеть и что-нибудь побольше. Однако возникает ощущение, что освободившемуся от идеологии, отказавшемуся "сеять разумное, доброе, вечное", часто сказать больше нечего. "Рассказ развивается вширь, а не вглубь... Мысль не движется... Голос автора становится среднестатистическим голосом... среды" (С.Костырко о повести С.Гандлевского "Трепанация черепа" - "Новый мир", 1995, 6, с.216). Этот усредненный язык

- один из важных признаков бытовой литературы. Еще Барт говорил, что "литературный язык, основанный на воссоздании социальной речи, в принципе не способен освободиться от ограничивающей его описательной функции" ("Нулевая степень письма"/ Семиотика, с.345). Ресурсы языка бытовой литературой практически не используются. Как только они начинают использоваться - возникает неоднозначность, возникает диалог с языком, спасающий, например, В.Нарбикову от растворения в общем море эротической литературы. Речь не об отказе от взгляда на реальное. Речь о скуке многократного пережевывания бытовых ситуаций. Самые затертые фразы можно расположить так, что читающий будет иметь достаточно места для поиска смысла в пустоте между ними - это прекрасно демонстрирует Л.С.Рубинштейн, и запрет на бытовые реалии неплодотворен, как всякий другой запрет. Дело в понятности и привычности точки зрения, не оставляющей воздуха и возможности встречной работы. И метафоры можно израсходовать на описание все той же обыденщины - как это делает Кальпиди. И Саггир может завести персонаж - Буфарева - чтобы поведать о пельменной, где продают сосиски, и сосисочной с пельменями. Все это слишком просто, даже если старается выглядеть сложным. Постмодернистская игра с цитатами тоже не спасает, так как рассчитана все на тот же зеркальный механизм узнавания собственной памяти. "Роман тоже труден для чтения. Не труднее, однако, - кого бы? Да хоть и Маканина" (А.Слаповский о романе Алана Черчесова, "Вопросы литературы", 1996, 1-2) - с таким эталоном сложности, как Маканин, даже и не знаешь, что поделывать.

Все это повествование, только повествование. "Повествование дает вещам имена, ему неведом ужас, который внушает слово, рвущееся за свои собственные пределы: в результате действительность как бы ужимается, обретает привычные черты" (Р.Барт, "Нулевая степень письма"). В результате получается нечто, слишком похожее своей эстетикой правды, доступности, близости к жизни - на прежнюю официальную литературу, точнее, на то, чем она мечтала бы быть, освободившись от "руководящей и направляющей". Оставшаяся с советских времен издательско-журнальная бюрократия воспринимает это как свое, родное. Не случайно, что, например, Кенжеев, Айзенберг, Гандлевский - желанные гости на страницах нынешних "толстых" журналов, неизменно откликающихся положительными рецензиями на публикации данных авторов. И столь же не случайно, что Седакову, Жданова или Драгомощенко публикуют там гомеопатическими дозами. Читать Седакову с позиции подтверждения своих собственных религиозных чувств не получается (см. например, статью Н.Славянского в "Новом мире" 1995, 10, вся критика которого в адрес Седаковой сводится, собственно, к одному: "Мне это непонятно!"). Седакова требует работы... А Драгомощенко своими текстами, вероятно, блокирует даже попытки лобового прочтения - соответственно о нем как бы и нет ничего.

Иногда критики чувствуют, что что-то не так, и начинают оправдываться. "Поэзия Евгения Рейна... может показаться чересчур уж бытописательной..." (Ю.Кублановский - Новый мир, 1996, 5, с.243). "Гандлевского можно было бы назвать "бытописателем" (Вл.Кулаков - Знамя, 1996, 2, с.202) - и далее поезда разъяснений, что это все только кажется. Но кажется ли? И происходит ли "магическое превращение"?

А можно и не оправдываться. "Поэзия бежит ухищрений и лукавства" (С.Гандлевский, "Арион", 1994, 4, с.13). "Но отнюдь не ребусом занят поэт Айзенберг" (Вл.Кулаков, Знамя, 1996, 2, с.204). И вновь мы слышим слова о душевной искренности, разговоре с эпохой и т.д. Причем журналы в общем правы в своей публикаторской стратегии, поскольку количество читателей у Жданова многократно меньше, чем у Гандлевского. Желающих сотрудничать в деле создания смысла с автором гораздо меньше, чем привыкших слушать то, что им говорят, и журналы экономически правы. Правда, при этом они поощряют ту самую массовую культуру (ту же "литературу наименьшего сопротивления", просто рассчитанную немного на другой социальный слой, чем женские романы), о борьбе с которой пишут - но им не впервой.

Реализм умер - отработав свое в процессе эмансипации XIX века, научив каждого (ведь реалистическая литература - это, собственно, школьный курс) всматриваться в окружающее. Реализм бессмертен - поскольку всегда будет весьма большое количество людей, желающих получать истории на блюдечке своего обычного опыта. И поэтому разговоры о возвращении реализма бессмысленны - он и не уходил никуда. И не уйдет.

Зеркало необходимо, но от литературы хотелось бы большего. Актуализации заложенных в языке смыслов, расширения мировосприятия. П.Басинскому принадлежат прекрасные слова о реализме как литературе, любовно вглядывающейся в мир, доверяющей ему ("Новый мир", 1993, 11, с.238) - но где же такие произведения в "Новом мире"? А стоит автору выйти за пределы благочестивых банальностей - как в том же "Новом мире" раздается "не понимаю!" (например, та же статья Н.Славянского о Седаковой).

Что тут можно сделать? А ничего. Жить, смотреть, писать. Есть Саша Соколов и Владимир Казаков, Рубинштейн и Драгомощенко, Седакова и Иван Жданов. Пока в языке существует нечто большее, чем репродукция повседневного опыта - существует и беспокоит, как дверь из комнаты в город, в лес, в сад - все в порядке.